

УДК 94(3)

В. С. Кореняк

ВЗГЛЯД НА БЕОТИЙСКИЕ ПЛАТЕИ В РАКУРСЕ «КОПЕНГАГЕНСКОГО ЗАКОНА О ПОЛИСЕ»

Аннотация. В статье осуществляется анализ ведущего концепта датского исследователя Могенса Хансена, так называемого «Копенгагенского закона о полисе», на примере конкретной гражданской общины – беотийских Платей. Автор статьи выделил основные положения закона, отметил практические результаты его использования применительно к изучению письменных источников. Через призму анализируемого теоретического утверждения рассматривается городской и политический центр Парасопии, отмечается неоднозначность результатов сопоставления отдельных моментов его истории с полисной концепцией Хансена.

Ключевые слова: история, Беотия, источники, полис, Хансен, Платеи.

Одной из проблем, которые объединяют многие вопросы изучения античной истории, является проблема полиса – античной гражданской общины.

У исследователей нет единого мнения о времени генезиса полисной культуры, о соотношении понятий «город» и «полис» как о преемственности данного типа общины с предшествовавшими формами человеческого общежития, так и о преемственности последующих форм с ним. Даже само определение понятия «полис» может различаться в зависимости от взглядов конкретного исследователя. В рамках данной работы нам хотелось бы заострить внимание на одном из наиболее известных современных подходов к изучению полиса, автором которого является датский исследователь Могенс Херман Хансен.

Под руководством Хансена был создан Копенгагенский центр по изучению полиса, который занимается разработкой и исследованием различных граней полисной проблематики. Наиболее же фундаментальной задачей центра было создание максимально развернутого, полного и при этом универсального определения полиса. Благодаря многолетнему изучению различных письменных свидетельств и эпиграфических источников такое определение удалось сформулировать (как это видится Хансену) – *Lex Hafniensis de civitate*. Согласно ему, термин «полис», который встречается в источниках классического и архаического периодов, обозначает городской центр, однако не любой так называемый «город», а такой, который в то же время является центром политического сообщества [3, с. 34]. Иными словами, если при чтении исторических источников обозначенного выше времени мы встречаем термин «полис», то речь идет не просто о поселении/городе, но и о политической единице.

Нельзя не отметить, что подобный тезис не мог быть полностью принятым или полностью отвергнутым научными кругами (И. Е. Суриков отмечал необходимость дополнительных уточнений для определения понятия «полис», а также возможность существования полиса без территории [5, с. 10–11, 13]; Пьер Фрёлых подвергал критике концепт зависимого полиса, предложенный в

рамках исследований центра [2, с. 645]). Тем не менее такое определение было выведено на основании работы с огромным количеством материала. Хансеном и сотрудниками Копенгагенского центра были систематизированы и подвергнуты анализу упоминания различных полисов в исторических источниках. Результатом этой колоссальной работы стала публикация Каталога архаических и классических полисов [3], в котором выделены 1035 единиц: известные полисы, поселения, ими не являющиеся, и полисы без установленного местоположения. Для каждой единицы указаны основные моменты истории, упоминания в античных источниках, характер взаимоотношений с соседями и т. д.

Хотелось бы также рассмотреть работу *Lex Hafniensis* в контексте нашего исследовательского интереса – беотийского полиса Платеи. Авторским коллективом Каталога приводится краткий обзор истории платейского полиса, выделены ссылки на упоминания общины в источниках [3, с. 449–451]. Согласно им, Платеи упоминаются исключительно как политическая и городская община одновременно. На данном обстоятельстве и хотелось бы заострить внимание, проанализировать, в какой степени «работает» Копенгагенский закон о полисе применительно к Платеям.

Как уже отмечалось, согласно тексту закона, слово «полис» в источниках обозначает общину городскую и общину политическую (в статье Каталога о Платеях авторы именно так говорят об упоминаниях этой общины). Однако в таком случае возникает ряд неоднозначных трактовок сведений исторических источников, в том числе отмеченных и командой Хансена.

В частности, одно из самых ранних упоминаний – 519 г. до н. э., когда Платеи вступили в союзнические отношения с Афинами, при этом граждане беотийского полиса получили права афинских граждан (Thuc. 3.55.3; 63.2). Само по себе данное обстоятельство не дает никаких поводов подвергать сомнению названный нами закон, но вкупе с другими свидетельствами создает почву для некоторой критики. Так, платейский полис был уничтожен войсками Ксеркса в 480 г. до н. э. (Hdt. 8.50.2), граждане же Платей эвакуировались в Афины. Таким образом, граждане общины (гражданской и политической) оказываются в другой общине (территориальном и политическом субъекте), даже получают права граждан этой самой второй общины [4, с. 31]. К какому полису, к какому из коллективов граждан необходимо причислять этих людей? В этом случае Платеи могут упоминаться только как политическая община, поскольку городской общины не существует. Получается, что в рамках одного поселения (Афин) действует два гражданских коллектива, к тому же пересекающихся односторонне? Это маловероятно, к тому же допустимо считать, что полноценными гражданами в Афинах беотийские беженцы станут несколько позже – когда подаренные гражданские права будут возобновлены в период Пелопоннесской войны (Dem. 59.103–4; Isoc. 12.94) после взятия Платей спартанскими и фиванскими войсками, а часть беженцев даже распределяют в аттические демы и трибы (Lys. 23.2–3). Но в этом случае возникает новый вопрос о принадлеж-

ности полиса. Если при персидском вторжении Платеи были уничтожены как городской центр (восстановлены годом позже), то во время межэллинистического военного столкновения Платеи как городской центр продолжали существовать, его обитателями стали переселенцы из Мегар, а также некоторое количество платейцев, верных Пелопоннесскому союзу (Thuc. 3.68.3). Согласно логике *Lex Hafniensis*, в отмеченный временной промежуток должны существовать два (!) полиса Платеи как политические единицы (вопрос с городским центром ясен). Далее ситуация усложняется. После захвата Скионы афинскими войсками город был передан беженцам-платейцам для поселения (Thuc. 5.32.1), однако только некоторая часть переселилась, большинство осталось в Афинах (Lys. 23.2–3). Таким образом, ойкумена в конце V в. до н. э. содержала в себе три (!!!) политические общины платейцев (все же мы не рискуем называть все их платейскими полисами) и два платейских городских центра! На самом деле первоочередным здесь оказывается вопрос идентичности указанных общин. Если жители Беотии все-таки полноправно могут считаться гражданским коллективом полиса Платеи, то к переселенцам в Аттику, а тем более в Скиону, подобную атрибуцию применить в полном качестве нельзя. Тем не менее, учитывая то, что «аттические» платейцы в конечном счете смогли вернуться на родину, можно предположить, что они продолжали культивировать собственные традиции, а возможно, даже и сохранили собственные политические (полисные) институты. Известен факт комплектования экипажей афинского флота из граждан Платей во время Греко-персидских войн [6, с. 30]. Мы считаем вполне допустимым, что некоторые беженцы, оказавшиеся в изгнании, без имущества и средств к существованию вполне могли рассмотреть такую возможность занятости. Тогда можно рискнуть зайти слишком далеко, вспомнив афинский флот, не признавший власть Тридцати тиранов и осуществлявший самоуправление согласно полисным традициям Афин. Но кажется сомнительным, что гипотетические моряки беотийского происхождения в этой флотилии в столь тяжелый исторический момент задумывались о своей платейской идентичности. Таким образом, на первый план выходит вопрос осознания некоторым гражданским коллективом собственной принадлежности к этому самому коллективу как к политическому сообществу, а не территориальному объединению.

Как видно из рассмотренного примера, *Lex Hafniensis* при слишком буквальном, формальном применении может привести к совершенно неожиданным, а порой и абсурдным выводам. Тем не менее авторы Каталога (и Закона) рассматривают выбранные нами свидетельства источников, но не анализируют их с точки зрения особенностей истории того или иного полиса. Собственно, подход М. Хансена к определению полиса критиковался за некоторый формализм, особенно в случае сравнения гражданских общин разных исторических периодов (за рамками Античности). Однако глобально концепция *Lex Hafniensis de civitate* выглядит необходимым методологическим подспорьем в процессе исследования античных гражданских общин. Более того, данная работа

призвана (по возможности) развить дискуссию о полисе и дать повод для дополнений и уточнений другими исследователями концепта «Копенгагенского закона о полисе».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Badian, E.** Plataea between Athens and Sparta. In Search of Lost History / E. Badian // *ΒΟΙΩΤΙΚΑ: Vorträge vom 5. Internationalen Bötien-Kolloquium zu Ehren von Prof. Dr. S. Lauffer: Institut für Alte Geschichte Ludwig-Maximilians-Universität München, 13–17 Juni 1986* / Hrsg. von H. Beister und J. Buckler. – München, 1989. – P. 95–111.
2. **Fröhlich, P.** L'inventaire du monde des cités grecques. Une somme, une méthode et une conception de l'histoire / P. Fröhlich // *Revue Historique*. – 2010. – № 3 (655). – P. 637–677.
3. **Hansen, M. H.** An Inventory of archaic and classical Poleis / M. H. Hansen, T. H. Nielsen // *An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. – Oxford University Press., 2004. – 1396 p.
4. **Konecny, A.** Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis / A. Konecny. – Österreichisches Archäologisches Institut: Wien, 2013. – 494 s.
5. **Античный полис. Курс лекций** / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 240 с.
6. **Кореняк, В. С.** Сведения о полисе Платеи в «Истории Пелопонесской войны» Фукидида / В. С. Кореняк // *Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки*. – 2019. – № 3. – С. 28–31.

УДК 330.322.3

М. К. Макешина, Д. А. Цуба, В. П. Герасенко

АРТ-БАНКИНГ: ИСКУССТВО И ИНВЕСТИЦИИ

Аннотация. Инвестиции в произведения искусства – выгодное капиталовложение. Такой способ инвестирования значительно снижает риски и в несколько раз увеличивает уровень дохода. Для клиентов, которые предпочитают инвестировать в предметы искусства, используется такая услуга по финансово-консультационному сопровождению, как арт-банкинг. При правильном подходе коллекционирование приносит не только огромное удовольствие, но и большие дивиденды.

Ключевые слова: инвестиции, произведения искусства, арт-банкинг, активы.

Инвестиции в произведения искусства – выгодное капиталовложение, которое может принести своим владельцам от двухсот до тысячи процентов дохода. Настоящие произведения искусства со временем всегда дорожают, поэтому схема вложений на первый взгляд кажется очень простой: купил, сохранил, продал. Чем дольше владеешь объектом искусства, тем выше прибыль. Конечно, инвестирование в классиков является само по себе искусством, это удел профессионалов и мир баснословных сумм. Кроме того, эта сфера инвестиций – весьма рискованная зона. В среднем инвестору разумнее вкладывать в совре-